

Последняя Сайен

Сборник стихов

Последняя Сайен

Мой мир. Сборник стихов

«Издательские решения»

Сайен П.

Мой мир. Сборник стихов / П. Сайен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838972-6

«Мой мир» — это дебютный поэтический сборник Последней Сайен, включивший в себя стихотворения, написанные в период с 2006 по 2016 годы. В книге представлены семь тематических разделов: «Раннее», «Героям меча и магии», «О том, что болит», «Родине», «Молитвы раненой души», «Посвящения» и «Чебоксарский цикл».

ISBN 978-5-44-838972-6

© Сайен П.
© Издательские решения

Содержание

Раннее	6
Время	6
Я в глазах ваших вижу слёзы	8
Учебник смерти	9
Ты открыла мне душу свою	10
Героям прежних лет	11
Ушедшим Поэтам	12
Десять часов до экзамена	13
Тихая грусть	14
То ли Ангел коснулся души	15
Осенние листья	16
Мне себя не понять	17
Злая	18
17	20
Мой Ангел	22
Первому тренеру	23
Ты и Я	24
Средневековому рыцарю	25
Пьедестал	26
Я такая, какая есть	28
Сказка про репку	29
Героям меча и магии	33
Я чашу страсти пил до дна не раз	33
Ведьмак и чародейка (Ночь на Танедде)	34
Память огня	36
Колыбельная для Беллы	38
Селеста	40
Содденский Холм	41
Лётное	43
О мудрости и безумии	44
Бэнджамину повелителю стихий	45
Что останется после нас	46
Габриэль посвящается	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мой мир Сборник стихов

Последняя Сайен

Корректор Г. Ю. Милосердина

Корректор Мон. Виктория

© Последняя Сайен, 2017

ISBN 978-5-4483-8972-6

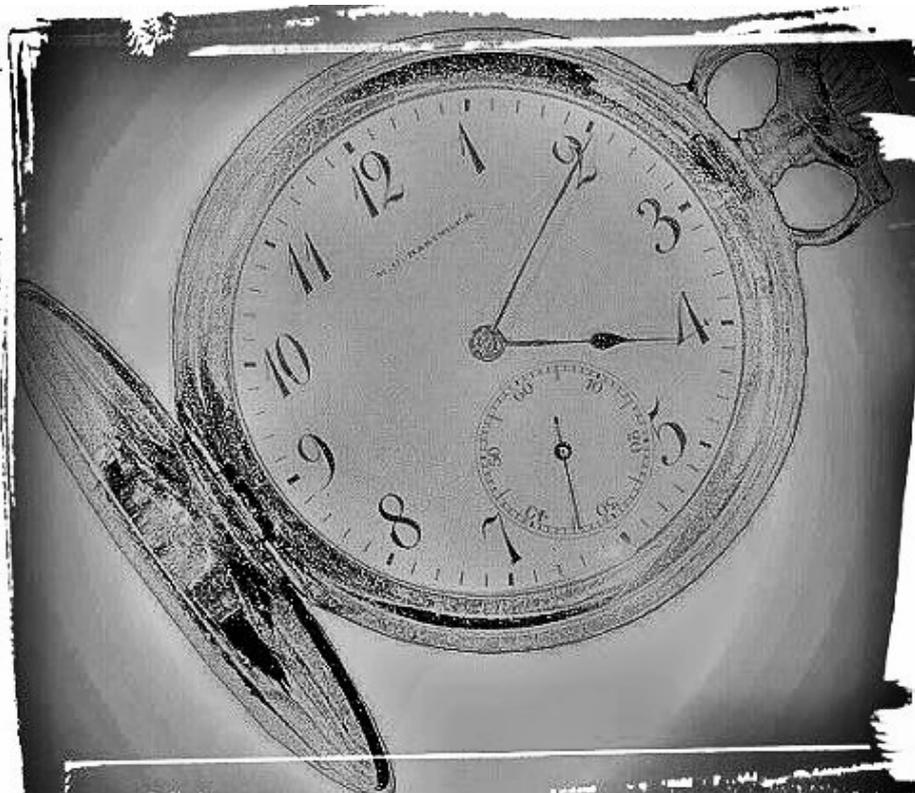
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алатырь
2017

Раннее

Время

Как неизбежно льется время
На человеческие души!
И прорастает быстро семя,
Как на воде, так и на суше.

Кто из людей поспорить сможет
С внезапным времени теченьем?
Кого посмертные мученья
Из нас нисколько не тревожат?

Мы, люди, глупые созданья,
Себя властителями кличим.
Земля нам будет наказаньем!
Мы все послужим кормом птичьим.

Как не поймём, что мир есть горе,
Что нет отрады на земле?
Проводим жизнь свою во зле,
И гибнем все в житейском море.

Покайтесь прежде же конца!
Конца пред Богом покаянья.
Да внидем в Царствие Творца,
Где слабнет времени влиянье.

Я в глазах ваших вижу слёзы

«Тёте» Алле Климовой

Я в глазах ваших вижу слёзы.
Не пытайтесь их скрыть от меня.
Пусть над городом нашим грозы
Прогремят яркой вспышкой маня;

Пусть вокруг не найти сожаленья,
Не утешиться в детских речах
И щемящую тяжесть сомненья
Удержать тяжело на плечах...

Я прошу вас: не надо сдаваться!
Человек может всё пережить.
Перестаньте слезой упиваться
И мечтою сознание кружить.

Всё проходит (ведь знаете сами!):
И печаль, и момент торжества.
Лишь Господь будет вечно над нами,
Не теряя вовек Божества.

Учебник смерти

Учебник смерти, ты сказал,
Что смерть героя не забудется.
И полетят Гонцы Начал
По городам и улицам.
Учебник смерти, все мечты
Ты постирал в могил покой.
Но отчего ж написан ты
Живого смертного рукой?

Ты открыла мне душу свою

Климовой Д.

Ты открыла мне душу свою
И секрет, не дающий покоя.
Пред тобой как сестра я стою.
Мы и правда похожи с тобою.

Как помочь тебе, Даша, и чем?
Я могу помолиться, не боле.
К сожаленью, приходится всем
Одинокими быть в своей доле.

Ты с тоскою посмотришь опять
Моё сердце пронзая мольбою.
Кто поможет тебе устоять?
Лишь Господь будет вечно с тобою.

Он поймёт тебя лучше, чем я.
Он утешит, подаст исцеленье.
На кресте, не жалея Себя,
Ради нас претерпел Он мученья.

Отгнав все сомнения прочь,
На колени пред Ним опустишь.
Он – Отец, ты – смиренная дочь...
Тихо плачь и с молитвой крестись.

Героям прежних лет Подражание М. Цветаевой

Я обращаюсь к вам – одетые в броню
И родовым гербом украсившие щит!
Те, что себя доверили коню
Нести вперед, покуда не убит.

Те, чьи сердца, не знавшие пощады,
Любить умели чище и нежней
Поэта юного, оставившего грады
И поспешившего к возлюбленной своей.

О, Артуры и Зигфриды лихие!
Своих судеб и жизней короли.
В те времена далёкие, лихие,
Вы столько ярких красок привнесли.

Все ваши подвиги в сказаниях воспеты,
И долго будет помнить вас Земля,
Искусств военных знавшие секреты,
Детей своих и войск учителя!

Ушедшим Поэтам

Я – теней ваших дерзкое сплетенье,
О, Вы, ушедшие столетия назад!
Настанет день Второго Вознесенья,
Вас за мои стихи вознаградят.

Сколь ни хвалилась, что с другой
Нет сходства даже дальнего,
«Марина с Анниной судьбой
И равнодушьем Крайнего»

Пусть прозовёт меня народ.
Не мне гнушаться правдою!
Ведь рифм моих известен свод
Давным-давно от «А» до «Ю»,
Чужие мысли продаю.

Но, все же верю, что моя
От сна очнётся буква «Я»!

Десять часов до экзамена

Хмуро и зелено за окном.
Трепетная уверенность.
Залом читальным становится дом,
Давит часов размеренность.

Книги, тетради, мыслей черёд...
Реже – улыбка мамина.
Родина сзади! Только вперёд!
Десять часов до экзамена.

Тихая грусть

Тихая грусть.
Ночь за окном.
Слёзы чуть смочат ресницы.
Кажется пусть
Прошлое сном.
Сном, что уже не приснится.
Было ли зло?
Сердце, забудь!
Прошлое всё же милее.
Тем повезло
Вспомнить свой путь,
Кто забывает быстрее.
Тот, пролистав
Строки времён,
Скажет: «Хорошая книжка!»,
Кто, вновь упав,
Встал окрылён,
Вспомнив, что жил без излишка.

То ли Ангел коснулся души

То ли Ангел коснулся души,
То ли дьявол опять проболтался.
Глас раздался в полночной тиши,
Он всё рос и словами сплетался.

Ах, как бы мне тех слов не растерять!
Ах, как бы мне тех слов не упустить!
«Нет человека, неспособного понять.
Нет человека, неспособного простить».

Осенние листья

А в городе осень,
И яркой листвой
Дух ветра в аллеях играет.
Лишь мраморных сосен
Покой вековой
Всё так же зелёным сверкает.

На небе просвета
Уже не ищи,
Подернуто всё серой дымкой.
Так хочется лета,
Но ты не ропщи,
Промчится печаль невидимкой.

Минуют дожди.
Промозглые лужи
Заменят сугробы из снега.
Надейся и жди,
Январские стужи
Пройдут, и останется нега.

В той неге опять
Зародится весна
И солнечным светом разбудит,
Вернув время вспять,
Природу от сна,
Вновь лето весёлое будет.

Вот только невесело будет тебе,
Как листья осенние вспомнишь.
И, лишь оказавшись опять в сентябре,
Покоем ты душу наполнишь.

Мне себя не понять

Мне себя не понять.
Кто я есть в этом мире?
Для чего суждено
Мне родиться на свет?
Мне ль за веру страдать?
Мне ли петть словно лире?
Поглощая вино,
Гнить до старости лет.

Знаю многое я:
Ту любовь, что мечтала
Я когда-то дарить,
Но дарить не смогла;
Знаю жизнь для себя
И ступень пьедестала,
Знаю как говорить
Людям ложь... И лгала.

Я могу быть плохой,
Но, могу, и хорошей.
Я обидеть могу
И могу пожалеть.
Мускулистой рукой
Справлюсь с тяжкою ношей,
Но в душе сберегу
Детской слабости треть.

Мне себя не понять.
Кто я есть в этом мире?
Для чего суждено
Мне родиться на свет?
Можно жизнь потерять
И объевшись на пире,
Но держать всё равно
Нам пред Богом ответ.

Злая

«Злая!» – шептали ей в след,
Враждебно сверкая глазами.
Обиды умывшись слезами,
Все те, кому меньше лет,
Лишь молча косились в ответ.
Она не противилась, зная,
Что дети не любят её.
Всё та же – «противная», «злая» —
Упорно твердила своё.

– Терпите! – нет жалости места
В холодных «неженских» глазах.
– Спасение – не в чудесах!
Пусть вновь от «упора-присеста»
У вас будут руки болеть,
Но как же иначе гореть
Звездой Олимпийского неба?
Поменьше пирожных и хлеба,
Побольше – на старших смотреть!

Казалось, она ненавидит
Весь мир и, особенно, нас,
Когда в предобеденный час
Кого-то с едою увидит.
Ругала за крик в душевой.
За каждым из нас надзирала.
Любовь «до доски гробовой»
И нежность она призирала.

Но вряд ли хоть кто-нибудь знал,
Что строгость её не со зла.
В то время, как весь город спал,
Она лишь уснуть не могла.
И даже в ночной тишине
Ей чудились всплески воды.
В коротком, мучительном сне
Награды ждала за труды.

Мечтала она лишь о том,
Что б каждый из нас, повзрослев,
(Не в восемь, не в десять – потом)
Вдруг вспомнил тот праведный гнев.
И вспомнили мы, не забыли!
Не раз осознав в глубине,
Что всё-таки Вы нас любили,

«Противная», «злая» О. В.

17

Семнадцать зим сменило осень.
Семнадцать лет, семнадцать вёсен,
Как хвоя старых жёлтых сосен
На землю пали, чуть дыша.
Оставшись в сердце лёгким следом,
Минуло детство. Путь неведом.
Вся жизнь твоя полночным бредом
Тебе покажется, душа.

Семнадцать лет – какая дата!
Умчались вихрем, без возврата;
Ещё недавно свадьба брата...
А через год – уже твоя.
Скажи, за что ты полюбила,
Ответь, за что боготворила
Того, чьё сердце покорила,
Обид и злобы не тая?

О нём ли ты всю жизнь мечтала?
О нём – вздыхала после бала,
И до рассвета не смыкала
Усталых глаз в семнадцать лет?

– О, да! – подскажет хитрый разум.
– О, нет! – душа и сердце разом.
Уста заученную фразу
«О ком ещё?» шепнут в ответ.

Ты вспомнишь чей-то нежный голос
И руку, что ласкала волос;
Всё тихо, лишь пшеничный колос
Поёт, качаясь на ветру.
Его почувствуешь дыханье...
Всё как тогда – в момент прощанья,
В момент последнего свиданья
У старой церкви поутру.

Чья пуля с ног его сразила?
Чья пуля плоть и дух пронзила?
Чья пуля твой затмила свет?
В семнадцать лет...

Мой Ангел

Мой Ангел отвернулся от меня.
Ему мои несносны стали речи.
Лишь тенью опускается на плечи
Мучительная тяжесть бытия.

Пятидесятый день моей тоске.
Без рифмы и строки пятидесятый.
Моей несносной гордостью распятый,
Мой Ангел слёзы льёт невдалеке.

За то страдает дух мой и скорбит,
Что я себя звала достойной Света;
Мой Ангел ищет кроткого поэта,
И он ко мне уже не прилетит.

Первому тренеру

«Ну, красотуля ты!», – сказали все подруги,
Тебя увидев через восемь лет.
Стройны всё так же ноги и упруги,
В глазах всё тот же негасимый свет.

Струятся волосы темнее цвета колы,
Загар морской на узеньких плечах...
Ты в платье розовом, практически до пола,
А я – в улыбки искренней лучах.

За восемь лет ничуть не изменилась.
Ты в частых снах являлась мне такой.
В момент отчаянья и боли вдруг приснилась,
И я заплакала, беседуя с тобой.

Но, что не так? А то, что я не смею
Промолвить: «ты», вызывая снова к той,
Чей светлый лик в душе своей лелею,
Чей образ чту я с детских лет святой.

Мой первый тренер, первый мой учитель!
Нас развели судьба и человек.
Но знала я, Господь наш, Вседержитель,
Разлуку нам готовит не навек.

Я Вас нашла. О, как же я искала!
Все восемь лет коря себя за то,
Что Вам «спасибо» так и не сказала,
И что сказала я совсем не то.

Теперь я знаю – нам одна дорога.
Вы – тренер мой, а я – других ребят.
На Вас хочу похожей быть немного.
И на меня, возможно, захотят.

Ты и Я

Ты любишь солнце с яркими лучами
И блеск томительный весеннего утра,
А Я люблюсь зимними ночами
На мерный блеск крупинок серебра,
Рассыпанных по небу бесконечным
Нерукотворно сотканным ковром.
Я думаю о Боге и о Вечном,
А Ты – в душе устроила погром.
Ты говоришь: добро сияет светом?
Но лишь во тьме – покой и тишина!
И не пристало спорить нам об этом.
Пускай мы разные, но Истина одна.
Смирись со Мной, как Я с Тобой смирилась,
И не перечь укладу Моему.
Ведь, как бы на судьбу Ты ни сердилась,
Ты не поймешь Меня,
Тебя Я не пойму!

Средневековому рыцарю

Замка с шипами железная дверь.
Рыцарь немного грубый.
Вот – что волнует меня теперь,
Вот – кто целует в губы.

Юность свою посвятил боям,
Слышал туземную речь.
Служит он верно своим друзьям,
Лучший из них – это меч.

О, как же трудно тебя любить!
Лучше бы сразу на плаху.
Ты не умеешь иначе жить —
Лишь без упрёка и страха.

Гордость твоя и суровый нрав
Сердце мое пленили.
Как же другие, тебя не узнав,
Пусто свой век прожили!

Пьедестал

Как странно бывает в мире...
Поставив на кон, что есть,
В мечтах о победном пире
Пытаешься в гору лезть;

Одной отдаёшься цели
И служишь одной мечте,
Запутавшись в днях недели,
Ты к финишной мчишься черте.

Посмотришь – минуло детство,
А в памяти лишь одно —
Борьба, призовое место,
Но первого не дано.

И снова бежишь куда-то,
И снова борьба с собой.
Привычные сил затраты,
И в десять часов отбой...

Всё то же. Всё так же. Тошно!
Но, знаешь – мечта важней.
В момент, когда будет сложно,
Ты вспомнишь опять о ней.

Оглянешься – юность сзади,
А в памяти лишь одно —
Работа, мечтаний ради,
И большего не дано.

Но, как отступить? Убито
На это немало лет.
Не может в момент забыта
Быть жизнь для больших побед.

Отбросив назад сомненья,
Вернёшься к делам своим,
В работе ища утешенья,
Стремленьем к победе томим.

Посмотришь – уж старость рядом
И памяти нет давно...
Вдруг слёзы нахлынут градом,
А большего – не дано.

Я такая, какая есть

«Какая есть. Желаю вам другую...»
А. Ахматова.

Я такая, какая есть.
Вам меня не исправить – знайте!
Да, привыкла я в дебри лезть.
Не хотите со мной – не влезайте.

Да, привыкла пугать народ
Чередой усложнённых строчек;
Но, закройте поэту рот —
За него всё расскажет почерк.

Вы найдёте десятки мест,
Где слаба я и неинтересна;
Но, поймите, что ставить крест
На поэте не очень честно.

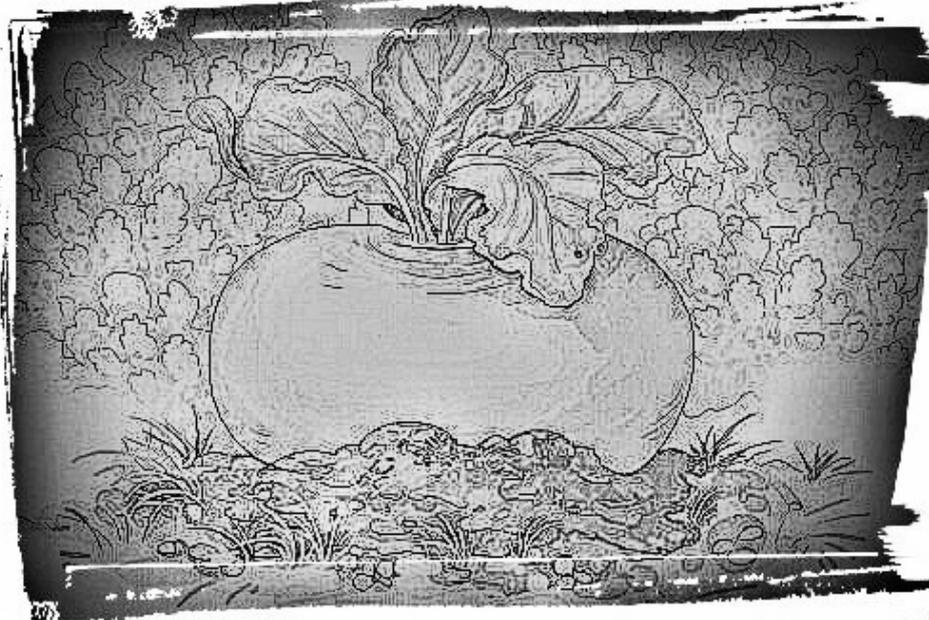
Если б слушала всех подряд,
Не была бы Ахматовой Анна.
Люди многое говорят,
Но не многим поют «Осанна!».

Здесь «неправых» и «правых» нет.
У искусства иная мера.
А в двенадцать-тринадцать лет
Вдохновляла меня лишь вера.

От того лишь мой дурен стих,
Что пою я в любовь не веря
О влюблённых, мученьях их,
И бужу в своем сердце зверя.

Я влюбиться навек спешу,
В то же время любовь отвергая...
Но, ты знаешь, моя дорогая —
О тебе больше не напишу!

Сказка про репку

Жил в одной деревне Дед.
Вспомнил Дедка про обед.
Но еды не оказалось,
Да старуха привязалась:
«Насадил бы, что ли, репки...»
Что же было делать Дедке?

Взял старик лопату, тяпки,
Прокопал четыре грядки.
Дедка репку посадил,
Каждый день за ней следил...
Только из лесу соседи,
Злые бурые медведи,
Репку всю повыдирали
Да по грядкам разбросали.

Плачет Бабка. Плачет Дед.
– Как теперь варить обед?
Слёзы с глаз у них скатились,
Пролились на землю ту...
Вновь побеги зародились,
Дав обильную ботву!

Собралась соседей стая:
– Репка выросла большая!
– Высотою с целый дом!
– Здесь понадобится лом!

Попросил старик подмоги.
«Пусть тебе помогут боги!» —
Прозвучал людей ответ, —
«А у нас и время нет!».

И соседи разошлись.
Добровольцы не нашлись.
Кто – домой, а кто – во поле,
Кто – коней пасти на воле...
Но никто не сводит глаз
С репки той, и каждый раз
С непрерывной быстротой
Взор несётся к репке той.

Опечалился вновь Дед:
«Как теперь найти ответ
На вопрос: как эту репку
Из земли достать на свет?».
Тянет раз – не поддаётся,
Тянет два, да проку нет,
И вздыхать лишь остаётся:
Нет уж сил под старость лет!

И позвал тогда он Бабку:
«Подсоби, старуха, мне!
Мы возьмём ботву в охапку,
Даст Бог, вытянем к зиме».
Тянут раз – не поддаётся,
Тянут два, но проку нет.
И вздыхать лишь остаётся,
Что нет сил под старость лет.

– Может быть, нам кликнуть Внучку? —
Тихо Бабка говорит.
– У неё золотые ручки.
Внучка вмиг нам подсобит!
Внучка тут, и тянут трое,
Надрываются, пыhtят.
Своё дело непростое
Завершить они хотят.

Тянут час. Затем – второй.
– Ночь уже не за горой, —
Подунав, сказала Внучка
И позвать решила Жучку.
Услышав хозяйки зов,
Жучка кость свою забыла
И без ропота и слов,
Ей на помощь поспешила.

Вчетвером работать проще,
Но не сдвинуть с места ту,
Что стоит подобно роще,
Распушив свою ботву.
Силы лишь потратив зря
На сизифов скорбный труд,
Иной подмоги не найдя,
На помощь Кошку все зовут.

– Мурка верная ты наша,
Погляди – устала Маша!
Бабка выбилась из сил, —
С грустью Дедка возгласил.
– Ты забыл ещё про Жучку —
Вся измучилась, скулит... —
Подказала Деду Внучка,
А сама с тоской глядит.

На часы, что полночь звонят,
На усталых стариков,
На листву, что ветер гонит
Сквозь туман ночных лугов...

Тянут, тянут, тянут, тянут...,
Но не виден их успех.
Тянут, тянут; тянут, тянут...
Вдруг, в траве раздался смех.
Смотрит Дед: в ночи два глаза
Словно искорки горят!
– Что за... – Экая зараза! —
Бабка с Внучкой говорят.

Глядь, а это полевая
Мышка прячется в траве!
И, за ними наблюдая,
Всё хихикает себе.
– Что хихикаешь, Полёвка?
Чем тебе наш труд смешон?
Вот поставим мышеловку,
Чтоб не лезла на рожон!

– Лишних мне не нужно бед! —
Пропищала Мышь в ответ.
– Коль сорвать хотите овощ,
То меня берите в помощь!
Делать нечего – берут!
Даже Мышки малый труд
Для работы годен будет.

Пусть читатель сам посудит...

Ухватились как могли,
Тянут репу дружно.
Вышла репка из земли
Гулко и натужно!

Много радости тогда
Было Бабке с Дедом.
Ели репу из ведра,
Поделясь с соседом!

И пускай не помогли
Им соседи эти,
Обид герои не несли
Ни на кого на свете.

Угостили всех да вся,
Сами рады были.
Лишь в молитвах попрося,
Чтобы не забыли.

Так и ты, читатель мой,
Позабудь плохое.
Помни грех лишь за собой,
И, да Бог с тобою!

А ещё хочу сказать:
Пусть малы силёнки,
Нужно другу помогать,
Не стоять в сторонке.

Кроха Мышка – не беда!
Всё ж помочь сумела.
Лишь бы рядом был всегда
Друг, и было б дело!

Героям меча и магии

Я чашу страсти пил до дна не раз

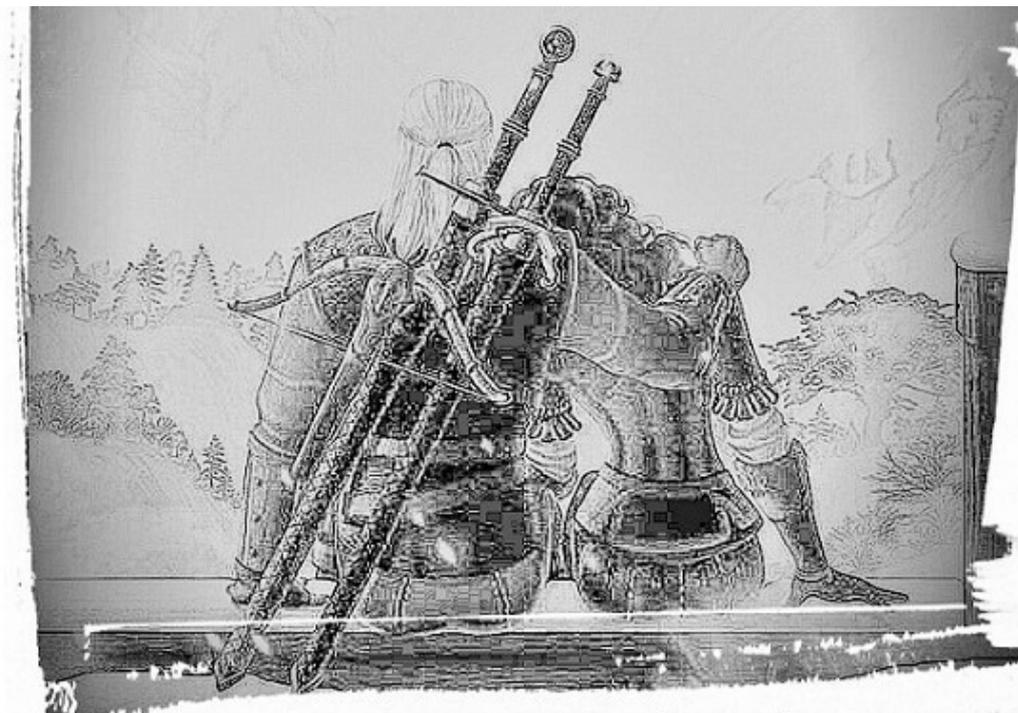
Я чашу страсти пил до дна не раз,
Её вино что цвет степной полыни.
Всё лживо в ней: и лик, и взор, и глас —
Они меня не трогают отныне.

Дорога мне достанется в удел,
По ней в рассвет уйду, мечту лелея.
Чтоб вечно снился мне сияющий предел —
Златой чертог певца и брадобрея.

Пройду сквозь хлад, дожди и нищету,
Оставив неги тяжкие вериги,
И всё, что сердцу дорого, в тщету
Вменю навек по зову древней книги.

Пусть будет небо крышей для меня
И мягким ложем – трав сплетенье сельных,
Хватило только песне бы огня,
Безумья снов и сумерек весенних.

Ведьмак и чародейка (Ночь на Танедде)

«Принципы можно нарушить, страх – преодолеть» (Йеннифэр из Венгерберга, А. Сапковский «Ведьмак»).

Она мечтала лишь о достижимом
И на наивное «Прости, но как же я?»
Ему шептала мягко, но с нажимом:
«А ты... ты – мой, как я – уже твоя».

Когда же он, измученный душою
В боях извечных и витках судьбы,
Просил: «Останься. Я тебя не стою,
Но вновь терять... Мне страшно.
Может быть...»,

Она лишь нежно гладила щетину
Небритых скул, не проронив и вздоха.
Она любила этого мужчину,
И врать ему – не ждущему подвоха?..

Как чародейка, может быть, морали
И лишена была она порой
(Как многих чувств лишён её герой),
Но одного уж, видно, не украли

У них ни люди, ни ужасный рок...
Разлука ж только закрепила тот урок,
Что им судьба всю жизнь преподавала,
И породила правило меж них —
Она надежд на счастье не давала,
А он не лгал, что вдруг оставит их.

Так, в тишине, тревожной от предчувствий
И неизбежной близости разлук,
Седой ведьмак, несведущий в искусстве,
И Королева Льдов не размыкали рук.

Он для неё прекрасные виденья,
Мечтой исполненные, в памяти рождал,
Она ж, как всякий раз в подобные мгновенья,
Читала мысли, зная, что он ждал.

И слёз непрошенных дорожки отирая
Ладонью с бледных исхудалых щёк,
О том не ведала, что пара месяцев ещё
И, на расчётливость былую невзирая,

Свободной волей на мучения пойдёт
За ту мечту, хоть верить и не смеет;
За дочь чужую, что своею назовёт,
И за любовь... И выстоять сумеет.

И даже если без счастливого конца
Та сказка страшная окажется в итоге,
В балладах вспомнят их отважные сердца,
Любить посмевающие у смерти на пороге.

Память огня

Память огня хранит
Светлые сны и лица,
Древних ступеней гранит,
Руны на жёлтых страницах,
Песни неспетой печаль,
Рыцаря пылкие речи...
Кто виноват, отвечай,
Что люди не помнят наречий?
Что больше в легенду не верят
И правду узнать не готовы,
Что жизнь сапогами мерят,
Поправ волшебство и слово...

Однажды, в полночный час,
Покинув проклятый город,
Бездушно-безликих вас
И ваши пустые сны,
Уйду я искать ответ,
Искать тот бессмертный повод,
Что вёл меня сотни лет
По светлым следам весны.

И я разожгу костёр,
Презрев суеверья смертных,
У дальних пределов земли
В таинственной чаще лесов;
И, к небу поднявши взор,
Развеяв золу по ветру,
Огню прошепчу: «Внемли!» —
И он мой услышит зов.

В тот час мне откроется всё:
Что было и что свершится;
Узнаю я, для чего
Пришли мы на этот свет,
И тайное знание своё
Под сердцем сберечь как птицу
Мне будет важней всего
На многие сотни лет.

А если спросят вдруг:
Зачем хоронить под спудом
Сокровище – дивный дар,
Доверенный мне судьбой,
Отвечу тому: «Мой друг,

Ведь люди не верят в чудо.
Для тех, кто душою стар,
Обманщики мы с тобой...»

Колыбельная для Беллы

По мотивам саги Стеф. Майер «Сумерки».

Ты как солнечный луч,
столь неожиданный для этих широт,
Ворвалась в мою жизнь, разгоняя докучливый морок.
Тёплым ветром лесным,
Притяженьем родимых ворот,
Неуёмным желанием знать, что и я тебе дорог.

Неразумной овечкой проникнув в мой сладостный плен,
Ты для дикого зверя навеки осталась мечтою.
И тогда я узнал, сколь пленительным может быть тлен,
И как тесно венчает бессмертие нас с пустотою.

Спи же, Белла – творенье прекрасное мира людей.
Спи спокойно, ведь я в эту ночь твои сны охраняю.
И пусть жизнь быстротечна – ты будешь счастливою в ней,
Ничего обо мне и проклятья подобных не зная.

Кто бы мне рассказал, что любовь так бывает слепа
И что столько прекрасного в ней безрассудства таится.
Но теперь ты со мной... Столь наивна, нежна и глупа,
Что не страхом, а страстью твоё подсознание томится.

Мне так хочется крикнуть: «Беги и останься в живых!» —
Только руки всё крепче и крепче объятья сжимают.
Что ж, пускай будет так, как сама ты решишь за двоих,
А меня муки совести больше, чем «жажда» сжигают.

Спи, родная, теперь и не думай о завтрашнем дне.
Он в надёжных руках моих вместе с трепещущим сердцем.
Ну а ночью я вновь твой восторженный зритель в окне,
Жаль лишь только: ладоням твоим об меня не согреться.

Если б мареву сна был подвластен мой бдительный ум,
Если б древние веки сомкнула дневная усталость,
Мне приснилось бы море и дом, предназначенный двум.
Мне б приснилось, как ты в лунном свете нагая купалась.

Но сначала, пускай будет свадьба, алтарь и цветы...
Будет вальс при свечах... Всё, как память и сердце вещают.
Белла Каллен... Возможно, всё это – пустые мечты,
Только пальцы задумчиво перстень семейный вращают.

Спи, мой ангел, спи крепким младенческим сном.

Спи, моя ясноглазая хрупкая Белла.
Догорает последним виденьем рассвет за окном...
Эта вечность – для нас, если вечности ты захотела.

Селеста

Ты по пятам за мной ходишь, Селеста,
Как-будто сбежать от тебя могу.
Но есть ли от смерти укромное место?
Его для любимых своих сберегу.

В бою неравном, где стон и крик,
Над чёрной бездной, в стану врагов
Я снова вижу твой бледный лик
И чую лёгкость твоих шагов.

Печален взор твой и хладноок,
Аида сумрачного сестра!
Смотри: не дрогнет в руке клинок!
Не подоспела ещё пора.

Когда ты задуешь мою свечу,
Жалеть не стану – светло жила.
Я буду готова. Лишь знать хочу,
Что служат правде мои дела.

Содденский Холм

«Все стояли насмерть, и множество полегло. Но чародеи... Каждый ребёнок у нас знает имена тех четырнадцати, выбитые на камне, что на вершине Холма стоит» (Йурга из Заречья, А. Сапковский «Ведьмак»).

Обычный холм, с обычным лесом и рекой,
Своей прохладою манящей, у подножья.
Обычный лагерь пионерский и покой.
Здесь жизнь обычная струится бестревожно.

В бору зелёном, среди дубов и тополей,
Играет в прятки увлечённая орава.
Людские дети всех сословий и мастей
Слились в игре одним весёлым дружным сплавом.

И невдомёк им, что когда-то в этот час
На этом месте, под таким же небосводом,
В бою неравном пали тысячи из нас —
Людей и эльфов – за священную свободу.

За жизнь, за счастье в этой жизни, за любовь
Мы клали души, не желая бранной славы,
И как вода на том холме живая кровь
Ручьём стекала на соцветия и травы.

А камень тот, что столь усердно малышня
Ногами топчет, о минувшем не радея,
Плитой надгробною явился для меня
И для тринадцати содденских чародеев.

Но что за дело тем, кто «после», до певца —
Реликта времени, сокрытого под спудом?
Им – счастье, молодость, им – солнце и леса,
Им – их неверие в меня и даже в чудо.

Но если сыщется из тысячи такой —
С душою чистой, неиспорченной сомненьем,
Что остановится пред древнею плитой
И рун потёртых докоснётся в удивленье,

То, свято верю, он увидит как во сне
Мой светлый взор под непослушною копною,
Мерцанье молний, город, тонущий в огне,
И взрывы сфер над гордо поднятой главою.

Услышит крики, звон оружный, заклинаний
Обрывки в страшной и кровавой кутерьме,
Слова, поблекшие, последних обещаний
И стоны Йеннифэр, блуждающей во тьме.

Лётное

И даже если горб заменит крылья,
Я изловлю последнего фистрала.
Иль симурана оседлаю... Но бессилья
Не подпущу, в какой бы раз ни умирала.
Не важно, как, какую жертвой и когда —
Путь к Небесам для нас отыщется всегда!

О мудрости и безумии

- Скажи мне, наставник, а я повзрелею
И буду таким же, как ты?
– Мой мальчик, ты будешь гораздо мудрее,
Но скорби испьёшь и тщеты.
- Ответ же, учитель: неужто и знанье
Не сможет беды миновать?
– Поверь мне, мой мальчик, быть мудрым —
призвание,
Призвание – скорбеть и страдать.
- Увы мне, учитель! Иль боги жестоки,
Иль мир этот тонет во зле?
– Мудрец и философ всегда одиноки,
Мой мальчик, на этой земле.
- Где знанье и мудрость, там сердца томленьё
В гордыне и старость души,
А счастье и молодость там, без сомненья,
Где песни поют за гроши.
- Где пляшет безумец в сердечном порыве,
Где льётся мелодия струн.
Где званье и чин растворяются в пиве
Как древняя повесть средь рун.
- Не презри ж, мой мальчик, безумья убогих —
Бродяги, шута и певца.
Они в этом мире премудрее многих
И ближе к селеньям Творца.
- Зачем же, мой мастер, и нам на рассвете
Не двинуться в странничий путь?
– Ах, поздно, мой мальчик... Тот путь средь столетий
Затерян, и нам не свернуть.

Бэнджамину повелителю стихий

По мотивам саги Стэф. Майер «Сумерки».

Есть в мире чистые и жертвенные души,
Они не врут на правду, прячась за других.
Те, у кого от «я хочу послушать»
До непреклонного «И мы умрём за них!»

Всего лишь несколько секунд для размышленья,
Чтоб осознать, что верный выбран путь.
Они не требуют похвал и украшенья,
Не ждут наград, и их не повернуть.

Ты был таким, таким века пребудешь,
Смиранный сын трусливого отца!
Амун – создатель, ты его не судишь,
Но будешь верен правде до конца.

И что с того, что дар твой уникален?
Хранить его под спудом? Для чего?
Амун желает злата одного!
Другое дело – этот странный Каллен...

Он не похож на прочих, он иной —
Иным мотивам служит и стремленьям.
Его пример достоин удивленья,
И с ним готов ты встать к спине спиной.

Пусть шансов нет и бой неравным будет,
«Так правильно» – что может быть ещё?
Пускай «за всё» Господь тебя осудит,
Но лишь «за это» будешь ты прощён!

Что останется после нас

А после останутся память и честь;
Любовь – для «посмевших» дважды.
В этом мире не вечны ни слава, ни лесть,
Только сердца горящего жажда.
Занавесит пурга расплескавшийся день,
Мрак укутает север покоем,
И последние волки последней Сайен
Смерть прославят торжественным воем.

Нам недолго ещё в этом мире гореть,
Но сказаний листы не увянут.
Наши странные судьбы с улыбкой глядеть
Сквозь потёртые надписи станут.
Наших песен забытых тревожный напев
В шуме ветра несложно услышать —
В час вечерний ладони костром отогрев,
Ты сумей лишь прислушаться... Тише...

Габриэль посвящается

«А ты знаешь, что на свете хуже смерти? Умереть, так и не узнав, зачем жила!» (Алти, Зена Королева Воинов).

Древней истории мерная вязь,
Русых волос водопады...
– Знаешь? Возможно бы жизнь удалась... —
Выдох сквозь слёзы: «Не надо!
Ты не умрёшь, Иоллай! Не сейчас!
Скоро Геракл вернётся...»
– Габриэль... – Тихо! Дослушай рассказ.
Это преданьем зовётся.
Очень давно, в стародавние дни,
Боги людей сотворили.
Были немного чудными они,
Но неразлучными были.
Две головы и четыре руки
Было у этих созданий.
Дни протекали светлы и легки,
Люди не знали страданий.
Стали завидовать людям тогда
Боги и их разделили.
Был человек – получилось их два —
Души ж на части разбили.
Так мы и бродим по дебрям земным,
Ищем свою половинку...
Счастье порой улыбнётся иным... —
Тихо сглотнула слезинку, —

Верю, когда-то ты тоже найдёшь... —
Дрожь в побледневших ладонях.
– Я отыскал. – Значит ты не умрёшь?
– Нет. Я ведь только что понял.

Кадры меняются, годы летят.
Лес, суматоха и стрелы.
Вновь перессорить народы хотят.
Рядом пронзённое тело
Девы прекрасной в пыли и крови,
Стрелы ложатся кучнее.
Воины в битве – зови, ни зови,
Ты ж всех слабей, но смелее.
Телом своим незнакомку укрыть,
Срочно! Не думать! Не трусить!

Важно другого чуть больше любить,
Совесь тогда не укусит.
Битва окончена. Стихла стрельба.
Голос ломается: «Кто ты?».
– Габриэль, – челку откинешь со лба, —
Рана кровит. За работу!
– Стой. Бесплезно... Она глубока...
Ты защитить попыталась.
Как Амазонка... Вот меч и рука.
Знай, мне недолго осталось.
Будь же сестрой мне и титул возьми
Мой, когда я... Обещаешь?
– Что? Хорошо... Только ты объясни!
– Кончено. Позже узнаешь, —
Голос из чащи, – она умерла.
Полно. Не плачь, Амазонка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.